

Пушкин о праве¹

Брак и любовь

Нет более высоко уважения к памяти человека, чем постоянно носить в своем сердце его слова, понимая весь глубокий их смысл. Внешнее выражение к его памяти — лишь только тень, бросаемаемая его личностью. Много путеводных слов сказано Пушкиным, явившихся в результате его глубокого размышления. Некоторые из них особенно близки нам, как то: **«Пройдет любовь, останется скука»** (из письма к Н. Гончаровой от 4 ноября 1830 г. Цитата из «Кавказского пленника», ч. 2), или: **«Но я другому отдана; я буду век ему верна»**.

В этих своего рода формулах выражено решение глубокой проблемы: любовь и брак — той проблемы, которую люди решают, почти без исключения, каждый в своей личной жизни. Сердцевед Пушкин, вступая в брак, в одном из писем Вяземской в мае 1830 г. писал, что его любовь к Наталии Гончаровой есть 103-я любовь. Мы можем поэтому поверить Пушкину не только как гениальному человеку, но и как человеку большого опыта в делах любви².

В том же письме Пушкин различает два вида любви, отмечая, что первая всегда есть дело чувства, а вторая — страсти. Первая, иногда смешная и даже, б.м., глупая, остается в памяти человека все же очаровательной, последняя же принадлежит, очевидно, к числу горестных замет сердца. Вообще же любовь есть наша свобода, не сдерживаемая даже честным словом. Напротив, брак есть долг, обязанность, которую человек принимает на себя и, следовательно, в этом смысле ограничение нашей свободы. Другими словами, любовь и брак — две стороны человеческой жизни: свободной и несвободной. Брак есть правовой институт и, следовательно, здесь мы сталкиваемся непосредственно с правовым воззрением Пушкина. Как известно, брак есть договор; так ныне он и нами понимается как совершаемый в виде регистрации нашего торжественного обещания быть супругом другого лица. Но для Пушкина этот договор выделяется из всех других договоров тем, что это обещание не просто торжественное, публичное, но клятвенное, т.е. мистическое таинство. Поэтому брак без церковного освящения есть только обыкновенный договор, т.е. строго говоря, и не брак. Как таинство, он есть предопределенность людей к браку: «суженого конем не объедешь». В браке действует сама судьба. В целом ряде рассказов Пушкин проводит эту основную для него мысль (в особенности в «Метели»). Все то, что мы объясняем случайными обстоятельствами в деле вступления в брак, есть на самом деле действие неведомой нам судьбы, соединяющей людей в браке.

Вследствие этой таинственной предопределенности брак есть соединение людей на всю жизнь как дополнение одного другим. Если, тем не менее, человек разрывает все же брачный союз, то он лишает себя величайшего дара

судьбы, идет неправильным путем в жизни, коверкает свою жизнь. Напротив, брак есть долг, обязанность, которую человек принимает на себя и, следовательно, в этом смысле ограничение нашей свободы. Другими словами, любовь и брак — две стороны человеческой жизни: свободной и несвободной. Брак есть правовой институт и, следовательно, здесь мы сталкиваемся непосредственно с правовым воззрением Пушкина. Как известно, брак есть договор; так ныне он и нами понимается как совершаемый в виде регистрации нашего торжественного обещания быть супругом другого лица. Но для Пушкина этот договор выделяется из всех других договоров тем, что это обещание не просто торжественное, публичное, но клятвенное, т.е. мистическое таинство. Поэтому брак без церковного освящения есть только обыкновенный договор, т.е. строго говоря, и не брак. Как таинство, он есть предопределенность людей к браку: «суженого конем не объедешь». В браке действует сама судьба. В целом ряде рассказов Пушкин проводит эту основную для него мысль (в особенности в «Метели»). Все то, что мы объясняем случайными обстоятельствами в деле вступления в брак, есть на самом деле действие неведомой нам судьбы, соединяющей людей в браке.

Вследствие этой таинственной предопределенности брак есть соединение людей на всю жизнь как дополнение одного другим. Если, тем не менее, человек разрывает все же брачный союз, то он лишает себя величайшего дара судьбы, идет неправильным путем в жизни, коверкает свою жизнь.

«Но я другому отдана; я буду век ему верна».

Это и значит принятие дара судьбы, использование коего и есть для человека наивысшее удовлетворение в жизни, как бы брачная жизнь ни сложилась: радостно или горестно. В «Дубровском» Марья Кирилловна выражает ту же мысль: **«Я дала клятву, князь — мой муж... Пустите нас»**. Последние слова: «пустите нас», показывают, что человек через брак как таинство перестал уже быть «я», которое, как свободное до брака, слилось теперь с другим «я» — человеком, превратилось в «мы» (пустите нас), утратило часть своей свободы в дополнении себя другим. Серьезные брачные драмы в том и состоят, что супруг сохраняет свое «я», т.е. свою свободу в браке, подобно свободе в добрачной любви. В этом то и состоит неправильное понимание брака как простого договора контрагентов: «я» и «я», но не «мы».

Из правильного же понятия о браке («мы») вытекает и содержание брака — долга, в смысле принятой ответственности (взаимной). Пушкин в «Капитанской дочке» дает пример выполнения этого долга: «вместе жить, вместе и умирать», говорит Василиса Егоровна в ответ коменданту Ивану Кузьмичу, своему мужу. И она на деле это показала, не покинув его и приняв вместе с ним мученическую смерть.

Ныне все это звучит несколько старомодно. Но и старое золото остается все же золотом, тогда как новая медь не

больше как медь. И если мы откинем понимание Пушкиным существа брака как клятвенного долга: «быть мы», то от брака ничего не остается, как только договор двух зарегистрированных «я», т.е. жить вместе, пока хочет каждое из этих двух «я». Выполнение долга, в частности, означает у Пушкина основание семьи, т.е. новой организации, при которой рождение детей расширяет это брачное «мы». Дети часто не понимают существа семьи и стремятся утвердить в ней свое «я», они лишены в этом случае сознания и чувства долга. Отсюда бесконечные родительско-детские драмы.

Из изложенного здесь вкратце ясно правовое воззрение Пушкина на семейное право. Если сами родители выполняют свой долг как супруги в отношении друг друга, то и дети на этом примере учатся тому же самому семейному долгу, в силу той же судьбы, давшей им жизнь от данных родителей.

В связи с изложенным Пушкин определяет и ценность истинной любви вне брака. Она выражается также в возможности уничтожения своего «я». Истинная любовь в браке или вне его есть самопожертвование, т.е. отдача своей жизни другому или ради другого. И Пушкин в «Египетских ночах» показывает истинную сущность этой любви: за одну ночь отдается на утро жизнь. Женщина только удовлетворена в любви, когда она чувствует, что ее любовник может не пожалеть ради нее своей жизни или хотя бы своей короны. В браке этой жертвы не нужно, ибо там жертвенного отдельного «я» уже нет, там есть «мы». И жертва приносится уже не ради другого «я», а ради этого «мы» (семьи).

Короче говоря: любовь в браке обыкновенно существует и развивается («стерпится — слюбится»), но сила брака в том и заключается, что брак может и должен оставаться в силе и тогда, когда любовь отсутствует или утрачена, ибо брак есть долг в своем существе, таинственная связанность судьбой, предопределенность. Не в любви только счастье, но и в исполнении своего долга, в честности, в сохранении своего достоинства и уважения к самому себе как человеку.

«Пройдет любовь, настанет скука», но в браке, если бы и прошла любовь, остается дело долга совместной жизни, воспитание детей, и в ней нет места скуке. Любовь не вечна; брак вечен, навсегда, и не только, б.м., здесь на земле.

О разводе, в частности, Пушкин говорит прямо:

**«Но не согласен я с тобой,
Не одобряю я развода:
Во-первых, веры долг святой,
Закон и самая природа ...»**

«К Г. Родзянко» 1825 г

Понимание Пушкиным брака выражено давно уже юристом Модестинио² как общение на всю жизнь, как общий жребий судьбы (consortium) по человеческим и божественным законам.

II. Договор и его санкции

Договор есть главный вид юридической сделки, санкцией которого являются невыгодные материальные последствия в случае неисполнения или даже ненадлежащего его исполнения. В связи с договорным правом Пушкин выражает более

глубокое понимание и самого права. Его санкцией является: добрая совесть (Bona Fides) как внутренний мотив. В «Гробовщике» он дает тому интересный пример, своего рода казус.

Гробовщику был заказан дубовый гроб. Однако он ухитрился послать сосновый вместо дубового. Казалось бы, данный обман самый надежный. Родственники в горе, где им там обследовать качество гроба. На третий день гроб в земле и все концы в воду. Но в подсознании обманщика-гробовщика осталась его недобросовестность. И вот, на его несколько смелый зов, к нему пожаловали покойники, похороненные в проданных им гробах. Среди неожиданно явившихся гостей пожаловал и один скелет как раз того человека, который был похоронен в сосновом гробу.

Он не в обиде; был, по-видимому, добрый человек, хотя и видел себя в таком печальном виде по вине гробовщика, сравнивая себя с другими покойниками в сохранившихся мундирах, похороненных в более крепких, дубовых гробах. Он хочет обнять гробовщика, поблагодарить его сердечно все же за сделанный ему гроб. Гробовщик резко отталкивает его (совесть нечиста). Скелет рассыпается, и сам гробовщик падает на него и в ужасе просыпается. Оказывается, все это был только сон. Пережитый ужас есть наказание, санкция договора-заказа, основа которого недобросовестность, оставшаяся в подсознательной области.

Этим Пушкин хочет показать, что лица, недобросовестно относящиеся к выполнению договоров, вообще действующие недобросовестно и внешне, казалось бы, не реагирующие на совесть, тем не менее, там, где-то глубоко, в своем подсознании, несут внутреннюю санкцию договора.

Проблема совести вообще проходит у Пушкина через целый ряд его произведений («Утопленник», «Борис Годунов» и др.). Мы видим и увидим еще, что она занимает одно из главных мест в правовом воззрении Пушкина. Теоретически здесь дело не идет о каком-то «минимуме этики в праве», а об этическом обосновании самого права, его оправданности и его необыкновенной силе вне и внутри (и в сознании и подсознании человека). Как бы ни были многочисленны суды, без этой внутренней этической санкции ни одно право не могло быть более или менее полно реализовано. Отсюда естественно, что и правовое воспитание должно занимать большое место в семье, школе и вообще в обществе.

III. Удовлетворение

Но зоркий глаз Пушкина остановился и на внешней стороне правовых институтов. В «Выстреле» он дает нам пример того, что сам по себе внешний институт не достигает еще цели без учета его внутренней цели. В данном произведении он рассматривает институт дуэли как право восстановления попорченной чести другим человеком, т.е. как акт восстановления достоинства человека. Убить на дуэли оскорбившего это еще не значит восстановить вполне свою честь по существу. Сильвио, после того как его противник выстрелил в него вторично, отвечает не выстрелом, а словами: **«Я доволен, я видел твое смятение, твою робость, я заставил тебя выстрелить по мне (т.е. вторично, на что он не имел права — В. С.), с меня довольно. Будешь меня помнить. Пре-**

даю тебя твоей совести». Тут он было вышел, повествует далее Пушкин, но остановился в дверях и выстрелил, не целясь, в ту же картину, простреленную перед тем его противником, стрелявшим в него, но промахнувшимся.

Характерно, что при первой дуэли оскорбивший противник явился с черешнями, выстрелил в Сильвио, дал промах и после того спокойно стал есть черешни. Убить его ничего не стоило первоклассному стрелку Сильвио. Но он, разумеется, с согласия своего равнодушного к жизни противника, оставил за собой выстрел, чтобы дожидаться того момента, когда последний ухватится за жизнь и проявит трусость, унижение своего достоинства. И после того, как его противник, граф, женился на любимой женщине, он явился к нему осуществить свое право выстрела. Он добился своего. Противник унизил себя, даже стрелял вторично. С таким человеком больше нечего считаться. Пусть теперь мучает его совесть, этот высший судья.

IV. Наказание и Немезида

В рассмотренном случае с дуэлью ясна идея наказания. Наказание состоит не в уничтожении противника, а в том, чтобы вызвать в нем через сознание его неправоты, раскаяние. Это, пожалуй, та же идея, что выражена у Достоевского в его «Преступлении и наказании». Уголовное право и должно иметь своею целью вызвать раскаяние и этим исправить человека. Но Пушкин признает раскаяние и прямо Немезиду в тех случаях, когда человек потерял окончательно образ человеческий, т.е. лишился благодати наказания. Преступник получает тогда кару в виде своего уничтожения. В том же «Дубровском» продажные и лживые судебные деятели, не уважающие закона, гибнут в пожаре. И в то время, как тот самый человек (Архип), жертвуя своей жизнью, спасает из пожара кошку: («Божья тварь»), он отказывается то же самое сделать, когда Егоровна просит его спасти судебных: **«Архипушка, спаси их, окаянных...»** Он отвечает ей: **«Как не так».** Для окаянного человека нет уже наказания, которое могло бы на него воздействовать. Он просто вычеркивается из жизни самой судьбой, перестав даже быть Божьей тварью. Мысль Пушкина, таким образом, ясна, что благо не для всех, в особенности же не для тех, кто постоянно применяя законы, пользуется ими для достижения своих выгод. Следовательно, судебская и адвокатская совесть в особенности требует быть на страже закона. Их правовая этика в этом случае, так сказать, Пушкиным квалифицируется. Признавая совесть как основу правосознания, Пушкин влагает в уста своего героя слова: **«... Ничто не может нас / среди мирских печалей успокоить. / Ничто, ничто ... едина разве совесть».** Или далее: **«Да, жалок тот, в ком совесть нечиста!»** («Борис Годунов»)

V. Публичный порядок: власть и народ

Вообще публичное право, как порядок жизни, раскрывается у Пушкина в «Истории села Горюхина» и «Истории Пугачевского бунта». Мысль Пушкина о повинности

публичным законам (порядку) и вообще законам выражена следующим образом: **«Человек, не повинующийся законам рассудка и привыкший следовать внушениям страстей, часто заблуждается и подвергает себя позднему раскаянию».** Здесь идет речь, правда, о законах рассудка, но они-то и лежат в основе человеческих законов.

Самые же правила общественного порядка понимаются Пушкиным как такие, на коих основано общественное счастье или достоинство человеческое (см. Пушкин — критик, изд. Академии, 1934, стр. 216). И еще: Закон не вмешивается в привычки частного человека. Закон карает одни преступления, оставляя слабости и пороки на совести каждого (там же, стр. 376). В частности о цензуре он писал: «Цензура есть установление благодетельное, а не притеснительное; она есть первый страж благоденствия частного и государственного, а не докучливая нянька, следующая по пятам шаловливых ребят (там же, стр. 380).

Принципы публичного порядка выражены Пушкиным следующим образом:

1) Достоинство есть всегда достоинство, и государственная власть требует его возвышения. 2) Неуважение к предкам (следовательно и к учреждениям предков — В. С.) есть первый признак безнравственности. 3) Начальство не обязано смотреть на разбойников с их романтической стороны. 4) Женщина имеет право на важные предметы общественной жизни (т.е. участия в ней — В. С.). 5) Так как общественный порядок есть порядок охранения достоинства человека и его счастья, то обязанность правительства (власти) возвышать через просвещение человеческое достоинство.

Таковы задачи власти и самого народа, поддерживающего порядок. Как только народ действует без здравого смысла, он становится чернью и начинается бунт. Бессмысленный народ и есть чернь. **«Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный».** Но тот же народ, следующий рассудку здравому, есть уже народ, а не чернь, бунтующая в поисках материальных благ.

Указанное различие в понимании Пушкиным народа очень важно. Ему иногда бросают упрек в пренебрежении к народу (см. его стихи «Поэт и толпа»). Но отсутствие здравого смысла Пушкин как раз видит в исключительной материальности, узком эгоизме. В том же стихотворении «Поэт и толпа» он говорит о народе бессмысленно, для которого печной горшок всего дороже. Но сам же Пушкин в другом своем стихотворении говорит: «И долго буду тем любезен я народу, / Что чувства добрые я лирой пробуждал, / Что в наш жестокий век восславил я свободу / И милость к падшим призывал». Без народа нет власти, нет публичного права, но народ должен следовать здравому смыслу, иметь законы, основанные на этом смысле ... Короче, правовой порядок, публичный в особенности, должен быть законом рассудка, мудростью законодателя. Такова основная мысль Пушкина в понимании им правового человеческого порядка.

VI. Высший Закон-Судьба (Jus Divinum)

Но человеческий порядок, основанный на рассудке (Jus

humanum), подчинен высшему таинственному порядку — судьбе (*Jus Divinum*). Пушкин неоднократно возвращается в своих произведениях к судьбе как своего рода божественному праву, различая в нем, однако, две силы: добрую и злую. Так как человек наделен правом выбора (свобода), то он может защитить себя от злой силы, например, молитвой («Домик в Коломне»). Идея судьбы как высшего порядка есть обоснование порядка человеческого. Вследствие этого наш относительный человеческий порядок получает свое обоснование в абсолютном порядке — судьбе. Мы видели выше, что человеческий брак есть отражение, так сказать, небесного брака в том смысле, что в человеческом браке есть предопределенность (суженость). Бунт против божественного порядка, осуществлением коего является человеческий порядок, влечет за собою в лучшем случае наказание, в худшем — потерю разума («Медный всадник», сумасшествие Евгения), и даже уничтожение (казнь Пугачева). Гринев чувствует злую силу судьбы Пугачева, с коим он таинственно связан («Капитанская дочка»); он пытается предохранить его от злой силы, но напрасно, ибо Пугачев принял злую силу судьбы в своем выборе из двух сил: доброй и злой.

Все это показывает, что понятие судьбы у Пушкина не исключает человеческой свободы и что судьба есть в сущности высшая норма жизни в ее двух проявлениях (динамике): положительном (добрая сила) и отрицательном (злая сила). Первое проявление судьбы — благостное (действующее, например, в браке), второе — вредящее человеку и даже его уничтожающее в потоке времени. Воля судьбы, как высшего правопорядка, направлена ко благу человека. Но она не абсолютна, ибо тогда человек был бы рабом добра, лишенным свободы. Злая сила преодолима, как мы видели; высшая добрая предопределенность есть только благодатная, но она дана лишь в отдельных случаях (например, в браке).

Вообще же возмущение судьбой как выбором одной из двух сил ее не должно поэтому иметь места («Моцарт и Сальери»). Тем не менее, судьба таинственна (таинственный порядок). Не всем природа (судьба в проявлении) доступна для ума и для сердца; не всякий поэтому может: **В ее таинственную грудь / Как в сердце друга, заглянуть**⁵. Для этого необходимо «созвучие ума и сердца»

(там же). Эти слова вполне применимы и к человеческому праву — порядку. В правильном выполнении известного закона культура требует того же звучания. На пути этого созвучия стоит гордость, к нему верно рукою ведет смирение перед законом божеским и человеческим («Цыганы»; ср. статью «Джон Теннер», где Пушкин — критик говорит об уложении (порядке) американского народа). Таковы, в самых общих чертах, мысли Пушкина о праве. Они представляют собой целую правовую систему как одно целое с ее обоснованием в высшем божественном правопорядке. Впервые эта статья была опубликована в журнале Русского юридического общества в Латвии «Закон и Суд» в 1937 году, № 2. Текст публикуемой статьи и примечания (ред.) соответствуют ее публикации в издании: Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1987. Т. 20. С. 197 — 206. См., например: ...Зачем арапа своего / Младая любит Дездемона, / Как месяц любит ночи мглу, / Затем, что ветру и орлу / И сердцу девы нет закона. («Египетские ночи»).

Наилучшее определение брака оставлено римским юристом Модестином — «Брак есть союз мужа и жены, общность всей жизни, единение божественного и человеческого права». См. более подробно: Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Древность и Средние века / Составитель В. А. Томсинов. М., Зерцало-М, 2001. С. 222. Модестин жил в 3-м веке н.э. Занимал высшие государственные должности, имел в числе немногих право (т. н. *jus respondendi*) давать свои решения по гражданским спорам как бы от имени императора. В 426 году законом о цитировании сочинениям 5 юристов, в том числе и сочинениям Модестина, была придана обязательная юридическая сила. Известно 345 фрагментов из его произведений. В связи с романом «Дубровский» небезынтересно заметить, что материалом для судебного дела между старым Дубровским и его богатым соседом Троекуровым послужил некий процесс, рассматривавшийся «в Колзловском уездном суде в октябре 1832 г.», и подлинный судебный документ о постановлении суда, копию которого «Пушкин без переделок, заменив только имена, включил во вторую главу романа, вложил ее в рукопись, даже не переписывая». (См. А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах. Л., Наука, 1978. Т. 6. С. 527) (Ред.)

¹ Впервые эта статья была опубликована в журнале Русского юридического общества в Латвии «Закон и Суд» в 1937 году, № 2. Текст публикуемой статьи и примечания (ред.) соответствуют ее публикации в издании: Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1987. Т. 20. С. 197 — 206.

² См., например: ...Зачем арапа своего / Младая любит Дездемона, / Как месяц любит ночи мглу, / Затем, что ветру и орлу / И сердцу девы нет закона. («Египетские ночи»)

³ Наилучшее определение брака оставлено римским юристом Модестином — «Брак есть союз мужа и жены, общность всей жизни, единение божественного и человеческого права». См. более подробно: Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Древность и Средние века / Составитель В. А. Томсинов. М., Зерцало-М, 2001. С. 222. Модестин жил в 3-м веке н.э. Занимал высшие государственные должности, имел в числе немногих право (т. н. *jus respondendi*) давать свои решения по гражданским спорам как бы от имени императора. В 426 году законом о цитировании сочинениям 5 юристов, в том числе и сочинениям Модестина, была придана обязательная юридическая сила. Известно 345 фрагментов из его произведений.

⁴ В связи с романом «Дубровский», небезынтересно заметить, что материалом для судебного дела между старым Дубровским и его богатым соседом Троекуровым послужил некий процесс, рассматривавшийся «в Колзловском уездном суде в октябре 1832 г.» и подлинный судебный документ о постановлении суда, копию которого «Пушкин без переделок, заменив только имена, включил во вторую главу романа, вложил ее в рукопись, даже не переписывая». (См. А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах. Л., Наука, 1978. Т. 6. С. 527) (Ред.)

⁵ Пушкин цитирует этот стих Веневитинова в своей статье о Киреевском. (Ред.)